

Опыт психологического портрета Михаила Васильевича Ломоносова: к постановке проблемы

19 ноября 2011 года вся Россия и Московский государственный университет торжественно отметили 300-летие со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова.

О Ломоносове писали и говорили многие выдающиеся люди России и каждый из них находил оттенки нового в его личности, творчестве и мировоззрении. Можно считать, что досконально исследованы и объективно оценены как научные работы Ломоносова в естествознании и гуманитарном знании, так и его литературные произведения.

Однако нет работ, в которых бы жизнь, деятельность и личность Ломоносова специально исследовались психологической наукой. Почему?

Авторы настоящей статьи полагают, что:

- во-первых, пока не нашлось ученого-психолога, который был бы профессионально заинтересован в анализе многосторонней, сложной жизни и весьма противоречивой личности Ломоносова;
- во-вторых, на потенциальных исследователей оказывают сильное давление общественно усвоенные стереотипы («гений», «первый русский академик», «энциклопедист» и пр.), преодоление которых дается нелегко. П.Л. Капица предпослал своей статье о Ломоносове в качестве эпиграфа слова Зигмунда Фрейда: «Гений и послушание – две вещи несовместимые»;
- в-третьих, поскольку Ломоносов не

вел дневников и не оставил воспоминаний, исследователям приходится опираться на то, что было сказано о нем его современниками, а это, по большей части, были его недруги.

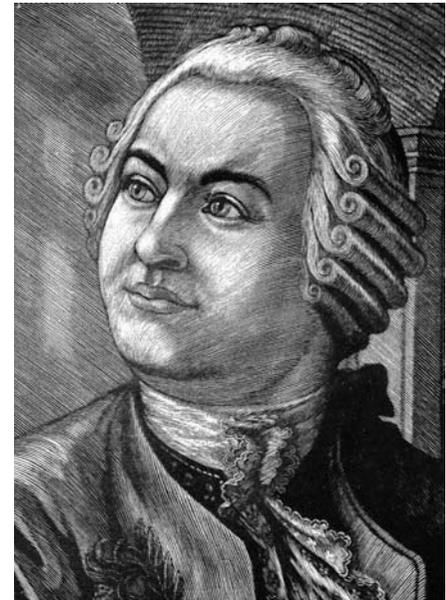
Наша статья представляет собой краткий обзор некоторых основных идей, так или иначе связанных с исследованиями в рамках психологии жизни и деятельности Ломоносова и Московского университета и попытку связать их в единое целое, опираясь на методологию системного подхода.

Исходной посылкой для авторов служат слова о Ломоносове, сказанные В.В. Розановым и А.С. Пушкиным.

Василий Васильевич Розанов, воспитанник историко-филологического факультета Московского университета и один из крупнейших отечественных философов конца XIX – первой четверти XX века, писал: «В самом деле, в духе Ломоносова и совокупности дел его содержался **целый метод**, хотя он и не упоминал его, не возводил в теорию и не навязывал как теорию никому».

Отсюда напрашивается подход к дальнейшему исследованию фигуры Ломоносова как целостного психологического феномена нашего общества, масштабы которого существенно меняются по мере удаления от времени, в котором он жил и творил.

Эту феноменальность увидел еще А.С. Пушкин, который писал: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один яв-

Ильченко Валентин Иванович
доктор педагогических наук, профессор
руководитель экспертно-аналитической
службы МГУ им.М.В. Ломоносова.

Ильченко Анна Игоревна
студентка факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

ляется самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквиенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт...»

Итак, для Пушкина — Ломоносов в университете «исправный чиновник, а не поэт...» (подчеркнем, что Пушкин говорит не о Московском университете конкретно, а об университете вообще как некоей универсальной ценности). Розанов также не говорит о литературных и научных талантах Ломоносова — он их обобщает, подчеркивая, что «в духе... и совокупности дел его содержался целый метод», «теория».

Пушкин писал о Ломоносове спустя почти 70 лет после его смерти. На этот момент Московскому университету тоже почти 80 лет, он уже заявил о себе в полную силу. Однако Пушкин знает Ломоносова, в первую очередь, как знаменитого русского поэта. Тогда о Ломоносове мало кто думал как о ученом-естествоиспытателе, эта сторона его многогранной личности была практически забыта.

Розанов же пишет о Ломоносове спустя уже 70 лет после Пушкина, когда Московский университет подошел к своему 150-летию и имел огромные заслуги перед страной. В.В. Розанов говорит: «Московский университет — центральный в России; Москва собрала, выковала, выучила как-никак Россию».

Однако и Пушкина и Розанова объединяет общая идея о феномене Ломоносова как некоей целостности для российской государственности, общности и ментальности.

Между этими двумя именами — Пушкина и Розанова можно расположить имена других известных авторов, которые мыслят о Ломоносове также, но ставят в центр своего внимания более частные стороны личности Ломоносова, что только обогащает красками и психологическим разнообразием эту давно уже легендарную фигуру. Для упрощения создания психологического портрета Ломоносова разделим этих авторов на две группы: гуманитарию и естественники.

В первой группе выделим такие наиболее авторитетные имена, как: А.Н. Радищев (1749–1802), М.П. Погодин (1800–1875), В.Г. Белинский (1811–1848), С.М. Соловьев (1820–1879), М.К. Любавский (1860–1936), Г.В. Плеханов (1856–1918), Ю.М. Лотман (1922–1993).

Во второй это: В.И. Вернадский (1863–1945), С.И. Вавилов (1891–1951), П.Л. Капица (1894–1984), М.В. Келдыш (1911–1978), В.А. Садовничий.

Можно, конечно, значительно расширить этот список, но и названных выше имен достаточно для того, чтобы предпринять попытку найти удовлетворительный ответ на поставленную в статье задачу.

Отметим особо, что группа авторов-гуманитариев — это люди XIX века (исключая Ю.М. Лотмана), а естествоиспытатели — не просто люди XX века, но еще и советские люди.

В работах гуманитариев о Ломоносове преобладает тенденция слияния его образа с высшей властью — императорами, императрицами и вельможами, например, с И.И. Шуваловым. Здесь Ломоносов психологически предстает как человек, принимающий эту власть и служащий ей. И это верно.

В работах естественников о Ломоносове чаще наблюдается слияние его образа с народом, более точно — с русским народом, подчеркивается и особо выделяется его крестьянское происхождение, постоянно цитируются слова Ломоносова, «что может собственных Платонов и чистых разумом Невтонов российская земля рождать», что «нет таких наук, которые бы были непосильны русскому уму». И это, как показало все после-ломоносовское время, тоже справедливо.

Итак, в психологическом отношении портрет Ломоносова может быть охарактеризован как национально-русский феномен, суть которого в олицетворении единства власти и народа, в целостном воплощении известной тирады «самодержавие — православие — народность».

«Феномен, — согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова, — это человек или явление, выдающееся, исключительное в каком-нибудь отношении. Феноменальный — выдающийся, небывалый, исключительный (феноменально умен)».

Феномен Ломоносова, как факт, — это слияние власти и народа. Он «материализован» через Московский университет, учрежденный личным указом императрицы Елизаветы Петровны, который по плану Ломоносова-Шувалова был подчинен только Сенату (а это — высшая власть) и имел две гимназии — одну для дворян, а другую для разночинцев (а это — народ). В дальнейшем связь имени Ломоносова с Московским университетом расширяется и укрепляется. В 1803 году университету дается статус Императорского, а в первые годы советской власти — статус государственного. В 1940 г. эта связь приобретает явную форму. По инициативе Ученого совета университета правительство СССР Московскому университету присваивает имя М.В. Ломоносова. И все это время ректор университета — номенклатура выс-

шей власти: в дореволюционное время — императора, в советское время — Политбюро ЦК КПСС.

Возникает вопрос — а были ли еще в России люди, личности, которых можно было бы поставить в этом смысле рядом с Ломоносовым? Ответ авторов — нет! Второго человека такого в истории России пока не было.

Для подхода к созданию психологического портрета Ломоносова важно принимать во внимание то обстоятельство, что его феномен открывался и переоткрывался как минимум 3–4 раза, и каждый раз весьма односторонне:

- в XVIII веке он был открыт как гуманитарию — поэт, историк, автор «Русской грамматики», «Истории Российского государства» и др.;
- в первой половине XIX века как поэт и историк Ломоносов был практически забыт, но был открыт как идеолог российского просвещения, «по чертежам» которого строилась в основном вся система российского образования от низшей ступени (церковно-приходской школы) до университетов;
- в конце XIX — начале XX в. Ломоносова вновь открыли, но уже как ученого-естествоиспытателя (для В.И. Вернадского он — «русский натуралист»), когда его труды, писанные на латыни и немецком языке, были переведены на русский и стали достоянием нашей научной общности, а затем и зарубежья. Здесь свои проблемы: Ломоносов в научных работах пользуется образным, порой лирическим, а не строго научным языком. И по большей части мысли Ломоносова чаще звучат как научные гипотезы, на доказательство которых он не останавливается;
- в советское время имя Ломоносова приобрело социальное звучание как великого гражданина, борца за все русское и русских.

И каждое из этих последовательных открытий Ломоносова добавляло новые краски в его психологический портрет. Но пока все, что есть — это всего лишь эскизы к портрету.

Авторы убеждены, что проведение в отечественной психологической науке специального исследования феномена Ломоносова — проблема по-прежнему актуальная, что и показало празднование 300-летия со дня его рождения.

Список литературы:

1. Ломоносов. К 300-летию со дня рождения. — М.: Изд-во МГУ, 2011. — 314 с.